
СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

Научная статья / Research Article

УДК 316.728

DOI: 10.14258/SSI(2022)4-08

Формирование перформативной национальной идентичности молодых россиян в политических практиках

Маргарита Романовна Снегур¹,
Анна Александровна Войник²

¹Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, m@margosnegur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4137-811X>

²Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ», Санкт-Петербург, Россия, a.voynik@center-kontakt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-3433>

Аннотация. Статья предлагает рассмотреть проблему конструирования перформативной национальной идентичности молодых россиян в процессе политического участия на основе результатов проведенного эмпирического исследования. Целью данной работы является выявление типологии перформативной национальной идентичности на основе восприятия политического образа государства. Методологической базой исследования выступает понимание нации с позиций социального конструктивизма, репрезентация национальной идентичности анализируется как социальный перформанс. Методом исследования выбрано фокусированное групповое интервью. В июле — сентябре 2021 г. и январе — марте 2022 г. было проведено девять фокус-групп с представителями разных

категорий молодых россиян: подростки (от 14 до 17 лет), совершеннолетняя молодежь, работающая молодежь, «православная молодежь» на базе Городского центра социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Результаты исследования позволили выявить различие в репрезентации национальной идентичности российской молодежи в зависимости от их политических взглядов и форм политического участия. Типологию можно представить в виде континуума, на одном полюсе которого находится понимание национальной идентичности в традиционалистской модели, на другом — в глобалистской модели. Исследование показало тесную связь категорий «патриотизма» и «национальной идентичности» в контексте восприятия различных символов, используемых для конструирования исторической преемственности. Полученные результаты позволяют выявить и описать существующие типы перформативной национальной идентичности современной российской молодежи, что также необходимо для повышения эффективности воспитательной работы с молодежью.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, социальный перформанс, политические практики, политическое участие, патриотизм, глобализация, национализм

Для цитирования: Снегур М.Р., Войник А.А. Формирование перформативной национальной идентичности молодых россиян в политических практиках // Society and Security Insights. 2022. Т.5, № 4. С. 137–154. doi: 10.14258/ssi(2022)4-08.

Formation of Performative National Identity of Young Russians in Political Practices

Margarita R. Snegur¹,
Anna A. Voynik²

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research and Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, m@margosnegur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4137-811X>

² City Center of Social Programs and Prevention of Asocial Phenomena among Youth «Contact», Saint-Petersburg, Russia, a.voynik@center-kontakt.ru

Abstract. This article proposes to make analysis of the problem of constructing a performative national identity of young Russians in the process of political participation. The research is based on the results of an empirical study. The purpose of this paper is to identify the typology of performative national identity based on the perception of the political image of the state. The methodological basis of the study is social constructivism; the representation of national identity is analyzed as a social performance. A focused group interview was chosen as the research method. Between July and September 2021 and January — March 2022, 9 focus groups were held with representatives of different categories of young Russians: teenagers (from 14 to 17 years old), adult youth, working youth, “Orthodox youth” in the St. Petersburg State Budgetary Institution “City Center

for Social Programs and Prevention of Antisocial behavior among youth “CONTACT”. The results of the study would help to reveal the difference in the representation of the national identity of Russian youth, depending on their political views and forms of political participation. Typology can be represented as a continuum, on one pole of which is the national identity as complex of political practices in the traditionalist model, on the other — in the globalist model. Also, the study showed a close relationship between the categories of “patriotism” and “national identity” in the context of the perception of various symbols used to construct historical continuity. The results help to identify and describe the existing types of performative national identity of modern Russian youth, which could contribute a lot to increase the effectiveness of educational work with youth.

Keywords: nation, national identity, social performance, political practices, political participation, patriotism, globalization, nationalism

For citation: Snegur, M.R., Voinik, A.A. (2022). Formation of Performative National Identity of Young Russians in Political Practices. *Society and Security Insights*, 5(4), 137–154. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)4-08.

Введение

Национальная идентичность сегодня привлекает внимание не только исследователей различных социогуманитарных наук, но также политических деятелей, представителей общественных движений, СМИ. Повышенный интерес к данному явлению обусловлен высокой степенью угроз размывания национальной идентичности в результате активных глобализационных процессов (Хантингтон, 2021; Гидденс, 1991; Фуко 1978), повышения уровня географической мобильности (Урри, 2012), становления текучего характера современности (Бауман, 2008). Активное взаимопроникновение разных культур, распространение идей и течений отражается в практиках повседневности, которые приобретают транс-национальный характер (Глик-Шиллер, 1992). В то же время в разных странах под воздействием различных факторов происходит рост роли нации в общественных процессах, что находит свое выражение в успехах правонационалистических политических идей, в общественном неодобрении расходования бюджетных средств в пользу беженцев и мигрантов, в стремлении к наращиванию темпов отечественного производства и т.д.

В настоящий момент в российском обществе понятие «нация» все чаще можно встретить на самом разном уровне: в выступлениях политиков, в официальных документах, государственных программах, журналистских заметках, в разговорах между людьми. Зачастую результатом активного использования данной категории становится наделение ее новыми, особыми смыслами. Одним из таких смыслов является отождествление национальной идентичности с патриотизмом и создание определенного политического образа того, кто претендует на сопричастность с нацией. Так политические практики срастаются с пониманием национальной идентичности, становятся маркерами «свой» — «чужой», «друг» — «враг» и т.п. Формируются определенные идеальные типы, несоответствие которым по какому-либо одному признаку становится основанием для исключения из группы.

Российская молодежь, как наиболее активная демографическая группа, также включена в эти процессы и находится на стыке двух противоречивых процессов. С одной стороны, данная возрастная группа (от 14 до 35 лет) социализировалась в период бурного развития технологий, интернета, массовой культуры, международных стандартов образования, программ академической мобильности и т.п. — была активно включена в международные глобальные процессы. С другой стороны, сегодня социально-политические условия меняются, и значительно большее внимание уделяется патриотическому воспитанию, росту уровня национального самосознания в образовательных учреждениях. Более того, ряд исследователей отмечают рост уровня политической активности современной российской молодежи (Попова 2018, Трынов, 2019, Франц, 2020), что зачастую встречает различные оценки представителей старшего поколения. Выражение недовольства решениями действующей власти воспринимается как показатель отсутствия национальной принадлежности, а критически настроенная молодежь описывается в ряде СМИ как непатриоты, забывшие свои традиции и корни.

Соотнесение образов национальной идентичности, предлагаемых политическими элитами и транслируемых посредством различных социальных институтов, и понимание нации самими молодыми людьми представляется важной исследовательской задачей. Целью данной работы является выявление и описание национальной идентичности молодых россиян сквозь призму политических практик. Эмпирическое исследование методом фокусированного группового интервью позволит понять, как для молодежи политические практики связаны с чувством принадлежности к нации, и построить типологию форм национальной идентичности.

Теоретико-методологические рамки исследования

Категория национальной идентичности в целом является достаточно спорной и неоднозначной в отечественной социологии. Трудности перевода «нации» на русский язык и наделение ее разными смыслами на протяжении истории (Миллер, 2016) также повлияли на подходы к изучению этого феномена. В данном исследовании национальную идентичность предлагается рассматривать с позиций социального конструктивизма и этносимволизма.

Социальный конструктивизм рассматривает нацию как воображаемое сообщество, так как все члены этого сообщества никогда не видели друг друга, однако у них присутствует убежденность в наличии схожих, объединяющих черт, отличающих их от других (Андерсон, 2016). Национальная идентичность — это своего рода ежедневный выбор человеком принадлежности к конкретной группе (Ренан, 1902). Подчеркивается, что необходимо не только «выбрать» свою национальную идентичность, но и быть признанным другими членами, разделяющими ее (Геллнер, 1991). Значительная часть работ по изучению нации и национальной идентичности связывает формирование национальных государств с индустриальным развитием, что актуализирует потребность в принадлежности не к малой группе (жители деревни), а к чему-то большему, но с тем же языком, культурой, ценностями. Э. Хобсбаум (2012) показывает, что в период активного развития

технических средств и индустриализации общества люди теряют ориентиры, нарушаются социальные связи, трансформируются нормы и ценности, в связи с чем актуализируется потребность в опоре, что зачастую выражается в традициях и подчеркивании связи с прошлым. С этой целью происходит «изобретение» традиций, которые призваны обеспечить чувство преемственности с прошлым, историческую взаимосвязь. Использование всевозможных символов и ритуалов позволяет соотнести сообщество в настоящем с его прошлым, эти идеи и практики активно развиваются и распространяются для их рутинизации, включения в повседневную жизнь современников. По мнению Э. Хобсбаума, традиции нацелены укрепить солидарность между членами определенной группы, и история используется в этом процессе как основа, позволяя нововведениям ссылаться на собственных героев, народное прошлое или его «культурный код».

Этносимволизм рассматривает нации как результат социально-культурной интеграции этнических сообществ, которые сохранили свои элементы культуры в виде символов, мифов, знаков, ценностей, воспоминаний (Смит, 2008, 2009). Приобщение к историческому прошлому в период формирования наций происходит в виде реализации ряда социальных, политических и культурных процессов, одним из которых является самоназвание. Другим этапом формирования нации является территориальное самоопределение, из чего происходит концепт «Родина» в его сакральном смысле, как пространства с мистическим ореолом героической славы предков. Следующим этапом является совпадение территориальных и политических границ для организации условий наличия общих норм и законов.

Национализм в данном случае может представлять собой различные формы (Хатчинсон, 1987). Например, в рамках «горячего» национализма основной задачей является конструирование нации как наивысшей ценности и представления о ней как об определенном священном объекте. Повседневный национализм нацелен на поддержание национального самоощущения индивидов (часто для них неосознанно) с помощью определенных инструментов (произведения искусства и культуры, банкноты, уличные плакаты и т. д.).

М. Биллинг использует понятие «повседневный национализм» в схожем значении, как вид национализма, который выражается в национальных символах и знаках в окружающем пространстве (Биллинг, 1995). Так, используемый язык, флаги, памятники, валюта, национальные праздники и т.д. ежедневно транслируют идею национальной идентичности, вне зависимости от того, насколько это осознается индивидом. М. Биллинг определяет национальную идентичность как своего рода стиль жизни, который поддерживается национальными мифами, символами и коллективными воспоминаниями. Так, повседневный национализм нацелен в большей степени на развитие чувства национальной гордости и формирования национальной памяти.

Важно подчеркнуть, что национализм, вслед за нацией, наполнялся различными смыслами и в итоге обрел негативную коннотацию в российском дискурсе. При этом в зарубежной традиции «национализм» схож по значению с тем, что в отечественном поле называют «патриотизм». Яркой иллюстрацией данной проблемы является исследование К. Клеман о повседневном патриотизме россиян,

в котором она подчеркивает, что вынуждена использовать категорию «патриотизм» во избежание негативных коннотаций более распространенного в научной литературе «национализма», хотя подразумевает именно стремление соотнести себя с определенной культурной и политической общностью, исторической формой совпадения которых является государство (Клеман, 2021).

В рамках данного исследования важным является выявление восприятия политических практик как маркеров национальной идентичности, в этой связи также используется категория «патриотизм», что позволит избежать искажения данных в результате негативных коннотаций. Изучение выражения национальной идентичности в практиках и наделяемые и интерпретируемые социумом их смыслы обуславливают необходимость применения категории «перформативности», которая позволяет говорить о представляемой национальной идентичности с помощью определенных маркеров.

Методы исследования

Эмпирическое исследование проведено на базе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Применение фокусированных групповых интервью позволило раскрыть разные позиции о роли государства в формировании национальной идентичности в ходе групповой коммуникации. Всего проведено девять фокус-групп с информантами, объединенными по разным признакам. Две фокус-группы составляли несовершеннолетние (16 чел.), участвовавшие в несанкционированных протестных акциях в 2021 г. и задержанные по этой причине. Две фокус-группы составляли совершеннолетние молодые люди (10 чел.), также участвовавшие в протестных акциях. Фокусированные групповые интервью с участниками протестных акций обеих возрастных групп были проведены в период с июля по сентябрь 2021 г. Остальные фокус-группы проведены в период с января по март 2022 г. с представителями разных групп молодежи, объединенных по виду основной деятельности и возрасту. Две фокус-группы — с учащимися несовершеннолетними (20 чел.) и две — с работающей молодежью (13 чел.). Информантами одной фокус-группы выступили постоянные члены православных молодежных общин Санкт-Петербурга (7 чел.). При описании цитат информантов для упрощения восприятия используются следующие обозначения: мужчина/женщина для молодых людей от 18 до 35 лет; юноша/девушка для молодых людей от 14 до 18 лет. Указывался также основной тип деятельности информантов. Текстовые файлы каждой фокус-группы анализировались с помощью программы Atlas.ti. Важно подчеркнуть, что описание данных носит обобщенный характер, однако распространяется на информантов, принявших участие в данном исследовании. Участие в исследовании несовершеннолетних обеспечено необходимой документацией.

Результаты

Конструирование национальной идентичности в политических практиках может иметь различную форму. В соответствии с целью данной работы важно

изучить понимание молодыми людьми различных аспектов проявления патриотизма как действия, воспринимаемого социумом как выражение чувства любви к Родине, подтверждение сопричастности к определенному сообществу. Иными словами, какие политические практики становятся маркерами национальной идентичности? В данном исследовании были выделены следующие блоки: понимание патриотизма, отношение к патриотическому воспитанию, отношение к участию в протестных акциях, в том числе несанкционированных, миграционные настроения.

Понимание патриотизма

Смысл, который вкладывают молодые люди в категории «патриотизм» и «патриот», важен для понимания их включенности в общественную жизнь. Так, например, несовершеннолетние информанты определяют патриотизм как сильное чувство любви и преданности Родине, которое в том числе включает в себя готовность жертвовать жизнью и переносить иные лишения при необходимости:

«Борьба за свою страну. Как было в мировых войнах. Если бы люди не были бы патриотами, то они не пошли бы воевать. В большинстве случаев они же умерли», — юноша, 16 лет, учится в колледже.

«Патриот — это человек, который любит свою Родину, и стоит за нее плечом, готов жизнь за нее отдать. Вот это патриот», — девушка, 16 лет, учится в школе.

Совершеннолетняя работающая молодежь, в свою очередь, отмечает среди выражения патриотизма не готовность человека к великим свершениям в экстренных случаях, а ежедневное улучшение жизненных условий в рамках своих возможностей:

«Вроде уважения к себе, к окружающим людям, в сознательном отношении к тому, что происходит... Желание добра себе и окружающим меня людям, и стране в целом, вообще и какая-то привязанность к родным для меня людям, родным для меня местам, культуре, языку. Гордость и привязанность к этому», — женщина, 23 года, работает в коммерческой сфере;

«Патриотизм — это не лежание на диване, а когда ты можешь выйти, навести порядок где-то на субботнике в своем городе, также выразить свою позицию по каким-то острым вопросам. Мы не говорим, по каким-то криминальным вещам, но по каким-то социальным вопросам — безусловно. Если ты участвуешь в общих процессах, в процессах общества, то ты часть этого общества, ты патриот своей страны», — мужчина 28 лет, работает в государственной бюджетной сфере.

Члены молодежных православных общин демонстрируют схожее понимание патриотизма, выражаемое во взаимопомощи и поддержке, личной ответственности за обстановку вокруг себя:

«Патриот — это тот, кто следит за своим двором, тот, кто думает о той части государства, которая рядом с ним», — женщина, 21 год, член православной молодежной общины.

«Патриот и христианин — это человек, который заботится о своих близких, который не делит их на достойных помощи и недостойных помощи, на людей плохих и хороших. Он думает обо всех, и он хочет помочь всем по мере своих

сил. Патриотизм — это думать о своих близких, помогать им», — женщина, 23 года, член православной молодежной общины.

«Я скажу, что патриотизм — это ответственность. Ответственность и за себя, и за то, что тебя окружает. Начиная от подъезда, продолжая муниципалитетом, городом и страной в целом», — мужчина, 28 лет, член православной молодежной общины.

Используемые информантами лексические конструкции позволяют предположить некоторые особенности отношения к патриотизму несовершеннолетних и совершеннолетних информантов. Так, подростки описывают собственное представление о патриотизме и характеристиках патриота, но не соотносят с этим описанием себя лично. Подтверждением данному тезису могут служить некоторые цитаты о том, как много патриотов среди их сверстников:

«У нас сейчас нет таких патриотов, это вот старой закалки люди — патриоты, мне кажется», — девушка, 15 лет, учится в школе.

На вопрос о том, есть ли патриоты среди подростков: «Вообще ни в какую, у нас все раздолбали. У нас люди играют в Brawls Stars (популярная игра для мобильных устройств. — Прим. авт.), мы в 9 классе», — девушка, 15 лет, учится в школе.

Таким образом, можно говорить о существовании нескольких подходов к определению патриотизма. Наличие различного понимания патриотизма, декларируемого через официальные социальные каналы и реализуемого в повседневных практиках, подтверждают результаты и масштабного качественного исследования о патриотизме, проведенного в различных регионах России среди разных возрастных категорий (Клеман, 2021). Подобное различие может быть связано с результатами патриотического воспитания, активно ведущегося в образовательных учреждениях. Внесенные поправки в Конституцию РФ в 2020 г. подчеркнули важность сохранения памяти предков и первостепенность создания условий для воспитания патриотизма¹.

Отношение к патриотическому воспитанию

Большинство информантов заявляют о развитии преимущественно военно-патриотического направления, что способствует формированию образа патриота, неразрывно связанного с военным контекстом. Подростки отмечают активную реализацию патриотического воспитания в образовательных учреждениях на личном опыте:

«Идет очень сильно напор про вот эти военные действия, постоянно бабушек этих несчастных таскают, которых уже просто достали, уже все. Постоянно все это рассказывать, перемешивать. Все уже поняли, что 9 Мая — это день Победы, все уже поняли... Это все так преподносится... неправильно. Нельзя этим пичкать так», — девушка, 16 лет, учится в школе.

«Классные часы о том, что мы обязаны любить свою родину и обязаны любить своего президента. Потому что у нас так много лесов, все так классно в России, самая большая страна. Вот так ее должны любить», — девушка, 15 лет, учится в школе.

¹ Имеется в виду конкретно ст. 67.1.

Несовершеннолетние информанты отмечают, что патриотическое воспитание нацелено на создание идеального образа государства и его гражданина. При этом в выражениях они также используют те лексические единицы, которые позволяют предположить некоторое дистанцирование от подобного понимания. Иными словами, работа по патриотическому воспитанию создает определенный идеал страны и ее жителей, но столкновение с различными трудностями в реальной жизни способствует тому, что подростки не соотносят свое представление страны с предлагаемым образом, а себя — с идеальным типом патриота.

Совершеннолетние работающие информанты также активно обсуждали проблему патриотического воспитания современной молодежи. Они также отмечают военизированный характер данного направления, активное использование политики исторической памяти: обращение к историческому наследию, к опыту Великой Отечественной войны, к культуре советского прошлого:

«Потому что с детства в это слова вкладывается практически противоположный смысл к тому, что оно изначально должно значить. Как правило, это сводилось к каким-то военизированным мероприятиям, к как бы истории, но представленной очень однобоко и тоже сводящейся к войнам. Войны эти представлялись не как что-то затрагивающее людей вообще, а как что-то политическое. Поэтому само слово „патриотизм“ в каком-то очень искаженном смысле предстает», — девушка, 23 года, работает в коммерческой сфере.

«Насколько я помню, патриотизм как термин появился как раз в XX веке при пропаганде, и это был такой рычаг давления на массы, чтобы люди как раз шли воевать и в принципе... Я представляю мальчика в военной форме, который фига-чит в барабанчик», — женщина, 22 года, работает в НКО и учится.

«А это уже издержки нынешней власти. Тех людей, которые власть эту присвоили себе. Это же не им принадлежит: победа не им принадлежит, православие — не им принадлежит, патриотизм — не им принадлежит. А они просто все это... присвоили себе. У нас в подсознании патриотизм — сразу всплывает портрет сами понимаете (имеется в виду Президент РФ. — Прим. авт.), День Победы — сразу вот эти вот образы. Вся эта работа с образами, с такими вещами, которые изменятся сто процентов», — мужчина 28 лет, работает в государственной бюджетной сфере.

Необходимо отметить, что члены православных молодежных общин также низко оценивают эффективность реализуемого в России патриотического воспитания. По их мнению, основной фокус работы не соответствует современной повестке, так как использует исключительно опыт Великой Отечественной войны и в целом не учитывает скорость изменений и особенностей развития российского общества:

«Есть идеологическая политика государства, основанная на воспоминаниях о Великой Победе в Великой Отечественной войне, и это вот транслируется со всех сторон, куда ни плюнь — везде об этом говорят. Вот мы какие великие, мы — победители, мы — молодцы, можем повторить. И в этой же сфере получается выпуск различных фильмов, в основном, конечно, исторически недостоверных, хотя при этом все говорят, что давайте защищать историческую до-

стоверность нашей истории. Ну, на этом отмываются, возможно, отмываются деньги и транслируются какие-то месседжи в головы наших граждан», — мужчина, 29 лет, член православной молодежной общины.

«Только про Великую Отечественную войну и больше ни про что. Уже от этого тошнит. Только эта Великая Отечественная война. Больше никакой истории нет. Снимают про нашу историю, а сами этой истории не знают. Ни в какие ворота уже», — мужчина, 28 лет, член православной молодежной общины.

«В общем-то для государства это нормально — заниматься пропагандой. Меня больше волнует, что эта пропаганда ужасно оторвана от реальности. То ли они это делают, потому что им кажется, что люди будут это слушать, то ли они и правда не понимают, что люди в это не то что не верят, им это стало неважно. И вот это реально проблема, как мне кажется», — женщина, 21 год, член православной молодежной общины.

Таким образом, совершеннолетняя молодежь считает, что современная работа по патриотическому воспитанию активно использует «технологии советского прошлого»: как по формату (идеализация государства и построение конфликта с внешним миром), так и в конструировании определенных образов: положительного образа Советского Союза, «лихих 90-х» и активно развивающейся независимой современной России. В ходе фокусированных групповых интервью информанты разных возрастов также обращались к советскому прошлому и опыту 1990-х гг., сравнивая людей, обстановку и условия жизни в разные исторические периоды, что способствует конструированию определенных смыслов патриотизма. Так, работающие совершеннолетние молодые люди противопоставляли ценности и идеалы советского и российского общества, указывая на несоответствие современных условий для реализации советских форм патриотической работы:

«Очень печально, что дело немножко в безопасности получается. Типа на 9 Мая детей — нормально им ходить там в военной форме, но если мы говорим о наших идеалах, идеях новых, других, не Советского Союза, не о вечных этих скрепах, то нельзя. Это, получается, становится опасным не только для подростков, но и для взрослых, когда тебе дают уголовку, что ты там просто постоял», — женщина, 26 лет, работает в НКО и учится.

«В советской России всем мозги промывали — комсомол. А сейчас-то зачем это делать? В школах, в садиках. Это к чему?» — женщина, 25 лет, работает в коммерческой сфере.

«Не знаю, я уже чувствую наступление 90-х. В смысле обстановки, атмосферы, паники, агрессии», — женщина, 22 года, студент, самозанятая.

Интересно, что несовершеннолетние информанты, которые родились уже в 2000-е гг., также активно сравнивают современность и советское прошлое. Примечательно, что их оценка носит преимущественно позитивный характер, что отражается на восприятии обстановки в стране в тот период в целом и на предполагаемых качествах советских людей, о чем было сказано выше:

«Вот Советский Союз. Все спокойно могли ходить друг другу в гости. Было товарищество. Те же самые пионеры... сплочение народа. Люди вместе двигали,

люди вместе развивались. Они друг другу помогали, выручали. Была тогда сплоченность. Сейчас ее нет», — девушка, 16 лет, учится в школе.

«Ну, раньше, допустим, нашим родителям выдавали квартиры, если они работали несколько лет на одной работе. А сейчас такого нет», — девушка, 15 лет, учится в школе.

Таким образом, патриотическое воспитание в рамках политики памяти использует преимущественно советский опыт, формируя образ современной России как правопреемника СССР. В то же время современной молодежи оказывается трудным принять это как ресурс для конструирования собственной национальной идентичности. Старшая молодежь (от 18 до 35 лет) социализировалась в других условиях и сформировала определенные взгляды и ценности. Младшая молодежь (от 14 до 18 лет) в большей степени сталкивается с патриотическим воспитанием в силу специфики основного вида деятельности, однако предлагаемые образы составляют определенный идеал как комплекс значительного ряда характеристик, полное соответствие которым труднодостижимо, что в конечном итоге может привести к снижению мотивации и сознательному избеганию включенности в практики, определяемые как проявление патриотизма.

Отношение к участию в протестных акциях

Совершеннолетние молодые люди, участвовавшие в несанкционированных протестах, считают, что участие в протестной деятельности и иных формах политической активности является выражением активной гражданской позиции, и они проявляют таким образом равнодушие к родной стране. Иными словами, участники несанкционированных протестных акций, по мнению молодых людей, вполне могут быть патриотами своей страны:

*«Мне кажется, что есть советские остатки, что патриотизм — это любить страну и ложиться под танк. То есть необходимо жертвовать собой, отдать все. И вот это понимание, что я патриотка, значит — я люблю страну. А я больше за то выступаю, что если ты хочешь, чтобы в стране было з***сь [хорошо], то ты вполне себе патриотичен. Если ты не хочешь этого, то ты так себе патриот. То есть хотеть, чтобы в стране все жили богато и счастливо, и леса ее не горели», — женщина, 31 год, работает.*

«Со слов моего знакомого, который ходил тоже на митинг, он очень любит страну, место, где он родился, он не хочет уезжать, он хочет посмотреть, что будет потом, он любит прям все. Кроме того, что происходит на политическом уровне», — женщина, 22 года, учится и работает.

Так, совершеннолетние молодые люди, участвовавшие в несанкционированных протестах, считают, что патриотизм как чувство любви к Родине может выражаться в различных формах, в том числе в стремлении к преобразованию политической системы. Изменения в управлении должны быть нацелены на улучшение всех сфер жизни общества. При этом патриотизм, выражаемый в абсолютной поддержке действующей власти, отсутствии критического мышления и гражданской инициативы, воспринимается как пережиток советской системы. Молодые люди, участвовавшие в несанкционированных протестах, полагаются

в большей степени на собственные силы, различные институты гражданского общества и общественную деятельность, в связи с чем понимание патриотизма может приобретать новые значения.

Члены молодежных православных общин разделяют данную точку зрения, хоть и объясняют свою позицию несколько иными мотивами. Так, православная молодежь считает, что участники протестных акций не являются исключительно оппозиционно настроенными гражданами, и публичное высказывание собственного мнения в виде мирных шествий не должно интерпретироваться как экстремистская деятельность:

«Если выход на митинг поможет моему близкому не умереть с голода из-за нищенской пенсии, не быть обреченным на несправедливое тюремное заключение, матери с коляской поможет не быть убитой сосулькой, то я буду выходить на митинг. И я думаю, что митинг в данном случае — это проявление патриотизма», — женщина, 23 года, член православной молодежной общины.

«Да, если власть такая скорее народная или преступная, безбожная. Если власть отделена от Церкви, если рушатся традиции, если не та власть, которая была всегда, то, конечно, безусловно. Это даже скорее обязанность [участвовать в протестных акциях]», — мужчина, 28 лет, член православной молодежной общины.

Миграционные настроения

В ходе фокус-групп информантам задавались вопросы «Хотите ли вы жить в России?» и «Задумывались ли вы о переезде?», которые были направлены на выявление миграционных настроений подростков и молодежи. Участники фокус-групп нередко сами обсуждали миграционные настроения и при ответах на другие вопросы, касающиеся восприятия общей политической обстановки РФ. В то время как подростки декларируют желание сменить место жительства и переехать в другие страны, совершеннолетние, если и рассматривают возможность переезда, то скорее как вынужденную меру по политическим причинам. Совершеннолетние информанты, в том числе принимающие участие в несанкционированных протестных акциях, видят перспективы и возможности развития в России, положительно оценивают различные сферы общественной жизни, подчеркивают свою национальную и локальную идентичность. Однако все же рассматривают возможный переезд за границу в случае ухудшения политической обстановки:

«Если тут начнется прям угроза жизни, там 37-й год, или еще какие-то истории, то я бы тоже предпочла свалить», — женщина, 26 лет, учится и работает.

«Мне нравится. Я вижу много здесь путей реализации себя... Я, наверное, тоже надеюсь на чудо! Понятное дело, что если что, то я свалю», — женщина, 25 лет, работает.

«Есть куча факторов: технологический, медицинский, судебный и прочее-прочее. Но мы сейчас говорим не о государственной стороне, а обо мне. Я в этом могу плавать пока. Если что-то изменится, возможно, я уплыву в другое место», — мужчина, 30 лет, временно не работает.

«Я в этом городе родился, вот это чувство патриотизма, оно мне не дает уехать, потому что я понимаю, что если все свалят, то здесь будет полный треш. Должны оставаться хоть какие-то люди, которые поддерживают жизнь общества, занимаются детьми, благотворительностью, социальными проектами. Вот если они свалят, то что будет? Будет полный хаос», — мужчина, 28 лет, работает в государственном бюджетном учреждении.

Однако некоторые совершеннолетние информанты, желающие переехать, в качестве причин указывают на иное отношение местного населения к участию в политической жизни, т.е. большую гражданскую активность, готовность отстаивать собственную позицию, развитие более успешной коммуникации граждан с властью, что отсутствует, по их мнению, в России:

«Я бы хотела уехать в Швецию или в Норвегию. Не знаю, просто потому что я там была и мне очень там понравились люди. Там люди гораздо вовлеченнее в политику. Если их что-то не устраивает, они последовательно выходят и делают это каждую неделю, пока их не услышат. У нас это было три раза и все забылось, а там люди готовы доносить проблему очень долго. Даже если это какие-то мелочи касаются оплаты какой-то работы, то все равно люди об этом скажут», — женщина, 22 года, учится и работает.

«Мы копим деньги для того, чтобы уехать, потому что мы с 2017 года активно ходили. И мы видим, что все меньше народу по ощущениям выходит. Даже среди друзей мы видим, что люди устают, они думают, что ничего не изменится. Виден регресс. Я не хочу здесь встретить, не дай бог, свою пенсию, поэтому...» — женщина, 29 лет, работает.

Иными словами, значительная часть совершеннолетних информантов не высказывает намерений эмигрировать. Молодые люди могут критически относиться к действующей власти и ее решениям, однако видят в России положительные аспекты и возможности. Полученные данные подтверждаются результатами анкетных опросов, проведенных сотрудниками Левада-Центра в период 2017–2020 гг. Так, например, несмотря на то что около трети молодых людей хотели бы жить за границей, малая часть российской молодежи, преимущественно из крупнейших городов, задумывается об эмиграции именно по политическим причинам (однако молодежь выбирает эту опцию чаще, чем представители старших поколений)¹.

По результатам проведенных фокус-групп можно говорить, что подростки отличаются более высоким уровнем миграционных настроений. В качестве желаемых стран-назначений они упоминают США, Чехию, Канаду, Швейцарию. Или же используют более общие формулировки: «в Европу», «за границу». Подростки говорят об этом следующее:

«У меня есть возможность после восемнадцати уехать в Майами, я что — буду терять эту возможность?» — девушка, 15 лет, учится в школе.

¹ Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastiev-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/>

«Ну, в ту же самую Америку. Оплот демократии», — юноша, 15 лет, работает.

«Чехия не идеальная страна, но там все хорошо. Высокий уровень жизни», — юноша, 17 лет, не учится и не работает.

«Я хочу уехать. Через работу, скорее всего. Может быть, в Канаду», — девушка, 17 лет, учится в школе, работает.

Однако преждевременно говорить о высоком риске массовой эмиграции молодого трудоспособного населения. Желание переезда в данном случае может представляться как наиболее легкий способ решения повседневных трудностей, который рассматривается вместо поиска возможностей для изменения имеющихся условий проживания. Кроме того, названные страны как места назначения для смены постоянного места жительства (США, Швейцария, Канада, Чехия) в целом имеют сконструированный в СМИ образ популярных среди россиян-эмигрантов. Выбор данных стран и его аргументация может указывать на восприятие подростками известных клише о жизни за рубежом. Например, при обосновании выбора Чехии как страны для переезда один из информантов подчеркивает возможность бесплатного высшего образования, которое в России, по его мнению, является труднодостижимым:

«Да там даже учеба бесплатная. А у нас только если на бюджет у тебя получится поступить! Но вот, допустим, я хотела пойти на лингвиста. Чтобы пройти на бюджет на гуманитарное направление в какой-нибудь более-менее нормальный вуз, я даже не говорю про престижные вузы, у тебя должны быть просто запредельные баллы. По-другому на бюджет не пройти. А платить за это нужно очень много. Легче поступить за границу, чем у нас где-нибудь здесь!» — девушка, 17 лет, учится в школе.

Анализ данных по вопросам миграционных настроений подчеркивает выявленные различия: подростки в меньшей степени чувствуют принадлежность к стране и определяют патриотизм в более абстрактных формах и демонстрируют активное желание эмиграции в западные страны. В то время как совершеннолетние молодые люди, считают патриотизм инструментом улучшения жизненных условий родной страны и готовы ее покинуть только в случае реальной угрозы личной безопасности. Несмотря на то что некоторые подростки демонстрируют локальный патриотизм в виде любви к конкретному городу, важно учитывать социальные и культурные возможности города и специфику продвижения образа Санкт-Петербурга в социальных сетях. Можно предположить, что данный феномен в большей степени характерен именно для крупных городов федерального значения, по отношению к которым проводится активная работа для развития привлекательного образа в туристических целях.

Заключение

Стремление к строительству единой нации, чувство принадлежности к которой будет ощущаться сильнее, чем иная культурная идентичность, является одной из приоритетных задач российского государства, что находит свое выражение в различных программах, изменениях в законодательстве, в рамках ко-

торых предполагается особый фокус на патриотическое воспитание граждан. Использование категорий «патриотизм» и «нация» в государственном и общественном дискурсе также способствует конструированию взаимосвязанности, взаимозаменяемости данных понятий. Однако те смыслы, которые понимаются государством под нацией, не всегда или не в полной мере разделяются самими молодыми гражданами.

Проведенное эмпирическое исследование позволило описать понимание политических практик современной российской молодежью как маркеров национальной идентичности. На основании полученных результатов предлагается построить типологию национальной идентичности, которую можно представить в виде континуума, на одном полюсе которого — нация в традиционалистской модели, на другом — в глобалистской модели. Для первого типа характерно плотное сращивание национальной идентичности и политических практик: если ты претендуешь на членство в сообществе X, ты должен активно поддерживать действующую власть, критика и выражение недовольства воспринимаются как маркеры «предательства», «не-своего». В том числе понимание нации в терминах сверхдержавности и силы воспринимается как показатель данного типа идентичности. Демонстрация военной мощи, получение авторитета и признания других, доказательства уникальности собственной нации являются предметом национальной гордости для представителей национальной идентичности в традиционалистской модели. Выражение патриотизма в таком случае предполагает готовность отдать жизнь за Родину. Другим маркером национальной идентичности в данном случае является приверженность традиционным ценностям (неприятие ЛГБТ, ЛГБТ+ движений, феминизма, чайлдфри и т.п.) как норме, которая передавалась из поколения в поколение. Сохранение и передача традиций, поддержание межпоколенных связей в разных формах является важным для конструирования традиционалистской модели национальной идентичности. Иными словами, национальная идентичность в данном случае может быть выражена тезисом: «Я — X, мы отличаемся от вас, мы сильнее вас».

Для национальной идентичности в глобалистской модели маркерами принадлежности являются иные формы политической активности. Так, Россия воспринимается не как уникальное евразийское пространство, а как европейская страна, часть западного мира, разделяющая базовые человеческие ценности. Критика действующей власти, участие в протестных акциях и другие формы активного выражения гражданской позиции считаются показателем равнодушия и стремления улучшить жизненные условия своей страны, что воспринимается как патриотизм. Приоритетными являются ценности гуманизма, где первостепенной ценностью становится жизнь человека вне зависимости от его гендерной, религиозной, политической и иной идентичности, что обуславливает стремление к обеспечению условий для любого самоопределения. Предметом национальной гордости в данном случае выступает повышение уровня экономического благосостояния, технические разработки и инновации, активное международное сотрудничество и др.

Важно подчеркнуть, что, как и любая модель, в данном случае представлены идеальные типы, которые в реальной жизни могут встречаться в различных комбинациях. Однако понимание наличия противостояния двух позиций в отношении проявления национальной идентичности в политических практиках обнаруживает определенный конфликт в понимании идеального типа, предлагаемого социальными институтами и усваиваемого и репрезентируемого самими молодыми людьми. Поиск точек соприкосновения и возможностей учета особенностей опыта современной российской молодежи представляется необходимым для повышения эффективности реализации государственных программ по патриотическому воспитанию, образованию и национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Гелленр Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Миллер А. Нация, или могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2016. 146 с.

Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173–194.

Трынов Д. В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. 2019. № 12. С. 298–314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195

Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Франц В. А. Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3. С. 61–80.

Billing M. Banal Nationalism. L.: SAGE Publications, 1995. 201 p.

Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. N. Y.: Pantheon Books, 1978. 164 p.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991. 264 p.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc Ch. Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration // Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.

Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism; Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation. L: Allen & Unwin, 1987.

Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press, 2012. 324 p.

Smith A.D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. NY: Routledge, 2009. 193 p.

Smith A.D. *Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic*. L.: Blackwell Publishing, 2008. 245 p.

REFERENCES

Anderson, B. (2016). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole (In Russ.).

Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. St Petersburg: Piter (In Russ.).

Gellenr, E. (1991). *Nation and Nationalism*. Moscow: Progress (In Russ.).

Kleman, K. (2021). *Patriotism below*. "Why it becomes possible, when people are so poor in such rich country?". Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russ.).

Miller, A. (2016). *Nation or Myth Power*. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 146 p. (In Russ.).

Popova, O. (2018). Models of Identity of Political Actors in Modern Russia. *Politicheskaya nauka*, 2, 173–194 (In Russ.).

Trynov, D. (2019). Political participation of youth: support vs. protest *Sociodinamika*, 12, 298–314 (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195

Urry, Dzh. (2012). *Mobilities*. Moscow, Praxis (In Russ.).

Franc, V. (2020). Features of the spread of protest moods among Russian urban youth in the information society (on the example of Yekaterinburg). *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve*, 3, 61–80 (In Russ.).

Billing, M. (1995). *Banal Nationalism*. L.: SAGE Publications.

Foucault, M. (1978). *The History of Sexuality*, Volume 1: An Introduction. NY: Pantheon Books.

Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford : Stanford Univ. Press.

Glick Schiller, N., Basch, L., Szanton Blanc, Ch. (1992). Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration In: *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. NY: New York Academy of Sciences, p. 1–24.

Hutchinson, J. (1987). *The Dynamics of Cultural Nationalism; Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation*. L: Allen & Unwin.

Hobsbawm, E., Ranger, T. (2012). *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press.

Smith, A.D. (2009). *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. NY: Routledge.

Smith, A. D. (2008). *Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic*. L.: Blackwell Publishing.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Маргарита Романовна Снегур — ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — Филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Margarita R. Snegur — Associate Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research and Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Анна Александровна Войник — начальник отдела социологических исследований, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ», Санкт-Петербург, Россия.

Anna A. Voynik — Head of the Department of Sociological Research, St.-Petersburg State Budget Institution «City Center of Social Programs and Prevention of Asocial Phenomena among Youth «Contact», Saint-Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.11.2022;
одобрена после рецензирования 23.11.2022;
принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 02.11.2022;
approved after reviewing 23.11.2022;
accepted for publication 29.11.2022.